

ПО РУСЛУ, ПЕРЕГРУЖЕННОМУ СМЫСЛОМ

Стихотворения

***

...мои фантазии мелки,
ложится сыр в ладони хлеба;
сырые дни заволокли
одну четвёртую часть неба.
всё остальное – маета
и тени движущихся кукол,
где всякий страдающий устал
от зимней поступи и звуков.
кто ближе стал, с того и спрос,
и снегопад не за горами,
и голос медленный отнёс
обрывки слов... мы сопоставим
свои желания с зимой,
чей атрибут – порывы ветра.
ты обескровлен запятой
(фетиш и догма геометра),
и цедишь мне сквозь зубы слог,
пророча неизбежность кармы.
одним движением прожёт,
оставив рубцеваться шрамы,
и не уходишь, ждёшь когда
зима возьмёт и приголубит.
но до чего горька вода,
и этот снег, и эти губы...

***

...излюбленные принципы людей,
не ведающих истин вне закона.
пристрелены кормушки голубей
за стенами, где, известью гашёный,
дымится изъязвлённый силуэт
(ни времени, ни света, ни покоя),
когда на протяжении ста лет
пространство расширяя городское,
выходишь за границы чётких форм,
исследуя природу человека.
щелчками предваряя разговор,
пока не начинает кукарекать
внутри дворов отчаянный петух,
часами наполняя воздух века.
здесь искажён в седьмом колене слух,
и улицы, и фонари с аптекой.
и горизонт, склоняемый на бок
так, словно день за днём перевирали
слова зимы, и было невдомёк,
что ржавчине подвержено едва ли
обыденное. так тому и течь:

по руслу, перегруженному смыслом,
и горечь трансформировалась в речь,
приобретая навыки и числа –
прохладные, как даты на доске,
как письма на каменных утёсах,
где снег ходил босой и налегке,
поглядывая изредка и косо.
всё дальше падал зыбкий горизонт,
всё ниже прислонялось ухо к почве,
как будто был к земле приговорён
поставивший в главе последней точку...

***

...намнёт земные склоны,
и сугробы
поверхность облюбуют до весны;
присаливая, ветры перепробуй,
пока в сонливый день погружены
надежды сомневающих скифов
с цитатами излюбленной строфы,
и трутся о язык небесный рифы,
рифмованным подтекстом удивив.
и вишенкой,
и верхом святотатства,
где в зимний свет спелёнут и блестит
призывный текст,
как надобно брататься
под музыку докучливых молитв.
как надо целовать друг друга в щёки,
и убивать,
и каяться, и стыть,
и вороватой скармливать сороке
медовую рождественскую сыть...

***

...Эти тающие снега,
эти тонущие дроги,
культуртрегеры элегий –
снегири в ветвях убогих.

беспредел январских ливней,
переменчивые лица,
где куда уже наивней,
написав «прости», проститься.

разделить по-братски сорок:
двадцать мне, и двадцать скинув,
ждать, когда пробьётся поросль
под подошвами ботинок...